

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Адыгамова Рамиля Камиловича «Богословско-правовая мысль татар Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX в.: история развития и тенденции обновленчества в мусульманской умме», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки)

Актуальность избранной темы. Формулировка темы диссертации соответствует намерению соискателя получить степень доктора исторических наук в том случае, если понимать историю в широком смысле слова, как науку «о прошлой социальной реальности» (Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб.: Алетейя, 2007. 523 с.). Действительно, взгляды теологов из татарской среды конца XVIII – начала XX в., которые являются главными героями текста Р.К. Адыгамова, вполне можно назвать проявлением «прошлой социальной реальности».

Вместе с тем, в работе явно просматривается обращение к материалу источников, которыми являются труды богословов рассматриваемого периода, с точки зрения теологии. И это скорее позитив, чем негатив. Современное академическое сообщество утвердило в своем сознании необходимость развития теологии как науки, а также важность использования принципа междисциплинарности. После знакомства оппонента с текстом диссертации и её авторефератом можно однозначно говорить об использовании соискателем этого принципа, как стыкового для исторического и теологического знаний. В этом, в первую очередь, оппонент видит актуальность представленного труда, поскольку собственно татарская богословская мысль в целом уже стала предметом интереса исследователей-историков.

К сказанному добавим, что и сам выход в междисциплинарное исследование требует от ученого некоторой смелости, поскольку пока еще

работ, основанных на принципе междисциплинарности, в российской научной мысли мало. А в сочетании «история плюс богословие плюс юриспруденция» нет совсем.

Отметим и то, что работы такого рода поддерживаются политической элитой страны: руководство рекомендует активно развивать отечественное мусульманское богословие. Рассмотрение теологических сюжетов вкупе с историческими может дать интересный выход и должно, по мнению оппонента, продолжаться.

Однако несмотря на то, что соискатель осуществляет в своем исследовании попытку расширить научное мировоззрение в рамках светского знания и богословского знания, предпринимает поиск соприкосновения разных научных дисциплин (история, юриспруденция и теология), сам он это во фрагменте Введения под названием «Актуальность» не отмечает. Прежде всего, актуальность обосновывается тем, что, по мнению соискателя, значимо для современного общества: изучение традиций и новаций в богословско-правовой мысли российских татар в конце XVIII – начале XX в., что собственно и отмечено в заглавии диссертации. Особо выделяется мысль о том, что «духовенство продолжает искать современную форму функционирования ислама» и думает над тем, «каким должен быть современный мусульманин» (С. 5 автореферата). Это чисто теологический вопрос.

Фраза «современному духовенству и ученым историкам следует теснее сотрудничать друг с другом» (С. 7 автореферата, с. 9 диссертационного текста) повисает в воздухе и не находит объяснения в тексте. Исключение составляет пример уважительного отношения руководства ЦРО – ДУМ РТ (названного новым без объяснения) к традициям предков и то, что ДУМ РТ «делает реальные шаги к сохранению важных исторических свидетельств, в частности, переиздает трактаты авторитетных и малоизвестных богословов, занимается собранием собственного фонда редких книг и рукописей, создавая все необходимые условия для сохранения этих ценных материалов».

Эти, без сомнения, позитивные действия по сохранению богословского наследия, сами по себе еще не означают научной работы по его освоению.

Таким образом, тема, выбранная соискателем, актуальна. Её значимость, по мнению оппонента, заключается в попытке показать возможности междисциплинарного подхода к пониманию традиций и новаций богословско-правовой мысли татар Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX в.

Структура работы соответствует теме и содержанию диссертационного сочинения. Она состоит из Введения, 4-х глав, Заключения, списка источников и литературы, а также приложения. Содержание в целом соответствует намеченной в Оглавлении структуре. Во **Введении** соискатель придерживается структуры, рекомендованной ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Определяется понимание соискателем **объекта и предмета** исследования. Определение объекта исследования дано с точки зрения теологии: «идейное наследие татарских богословов, отраженное в их фетвах, трактатах, статьях, опубликованных в периодической печати, а также зафиксированных в циркулярах ОМДС». Сразу отметим, что формулировка того, каким является объект исследования, не предполагает перечень источников. Но этот перечень явно показывает приоритеты теологического подхода. Исторический дискурс в определении объекта исследования не просматривается.

В определении предмета исследования («эволюция идей и концептуальных положений по основным и частным вопросам исламского права») исторический аспект, а именно выявление закономерностей исторического процесса, его специфики, изучения причинно-следственных связей, также отсутствует.

Формулировка **цели** диссертационной работы соответствует теме исследования лишь частично. Она звучит в работе следующим образом: «определение роли татарских богословов в становлении социокультурных и

религиозных традиций татарского общества во второй половине XVIII-начале XX в.». В этой формулировке нет идеи обновленчества, которая выдвинута как доминирующая в названии труда. Она имеется в определении первой задачи: «рассмотреть соотношение традиций и модернизма в татарском обществе второй половины XVIII – первой четверти XX в.». То есть верхняя хронологическая грань обозначена в этой фразе – 1925 годом. Но во фрагменте «Хронологические рамки» Введения говорится о периоде «со второй половины XVIII – до начала XX в.», как собственно звучит информация по хронологии и в названии исследования.

Если перевести формулировку цели в историческую плоскость, то проблема будет заключаться, например, в том, что исследуется роль личности в истории на примере татарских богословов определенного периода.

Продолжая разговор о **задачах** исследования, как их формулирует соискатель, следует сказать, что последние три из имеющихся семи говорят, скорее об источниках исследования, а не конкретизации цели. Например: «исследовать идеи татарских богословов, изложенные в их основных трудах», а далее то же самое: «нашедших отражение на страницах периодической печати» и «зафиксированных в циркулярах ОМДС». Элементы источниковой базы не могут служить основой для обозначения задач, стоящих перед автором. Это материал для характеристики источниковой базы.

Территориальные рамки исследования обозначены не совсем корректно. Волго-Уральский регион характеризуется как «основная территория проживания мусульманских богословов». Здесь же упомянута Средняя Азия, где некоторые из богословов получали образование. Но мусульманские богословы Российской империи в рассматриваемый соискателем период проживали и в Волго-Уральском регионе, и в Средней Азии, и на Кавказе. Может быть следовало указать, что речь идет о татарах?

Следующий фрагмент Введения – «**Степень разработанности научной проблемы**». В этой части Введения автор указывает на три этапа: 1) дореволюционный; 2) советский; 3) постсоветский, утверждая, что «историография ... базируется на источниках, анализ и систематизация которых позволяет отнести их к трем временным периодам». По названию этапов можно сказать, что историографическое деление основывается на принципе хронологии. Однако, автор говорит об источниках как критерии деления. И в таком случае логично предположить, что каждый из трех этапов историографии имеет свои источниковые материалы. Фраза «К источникам первого дореволюционного этапа относятся ... труды Ш.Марджани, М. Рамзи, Р. Фахретдинова» (с. 11, дисс.) сбивает читателя с толку. Отсюда вопрос диссертанту, для него труды названных авторов – источники или историография? Этими тремя именами ограничена характеристика степени изученности проблемы на первом этапе. Почему названы именно эти имена?

Перечень имен ученых, которые обращались к тематике богословско-правовой мысли татар конца XVIII – начала XX в., не сопровождается ссылками на их труды, что не дает возможности понять, какая проблематика ставилась ими во главу угла.

В итоге непонятно, что, по мнению соискателя, является критерием отнесения научных трудов к трем выделенным этапам: изменения в общественной жизни, источники, на которые ученые опирались в своих трудах, влияние идеологии, применение частно-научных подходов (на них указано, когда идет речь о диссертации И. Бекмирзаева) или что-то ещё. Непонятно, почему отдельно выделена группа ученых из Узбекистана советского и постсоветского времени. В группу современных трудов (так это тогда четвертый этап?) введены и зарубежные и отечественные авторы. А до этого упомянута группа зарубежных исследователей.

Далее (с. 24-26) диссертант вновь обращается к источниковой базе. Но ограничивается списком работ Г. Утыз-Имяни, Г.Курсави, Ш. Марджани и

М.Бигиева, не утруждая себя объяснением, почему выбраны именно эти работы, которые опять-таки не снабжены ссылками.

Плюсом источниковой характеристики является обращение автора диссертации к неопубликованным сочинениям богословско-правового характера на арабском и татарском языках. Была бы усилена новизна, если бы эти труды в переводе диссертанта оказались размещенными в Приложении (но в Приложении наличествует только Мединская конституция (переводчик не указан, дана отсылка только на размещение в Хрестоматии «Сира»)).

В характеристике периодической печати отсутствует исторический дискурс, который мог бы помочь диссертанту при выявлении причин обновленчества в татарской религиозной среде. Названы использованные газеты (три издания), но не указано, за какие годы. Обращаясь к циркулярам ОМДС, соискатель мог бы поработать с той их частью, которая пока не опубликована, это могло бы усилить новизну его труда.

Научная проблема сведена к вопросам исламского права, что не соответствует в полной мере специальности «Отечественная история», по которой заявлена защита.

Методологии и методам отведена значительная часть Введения (с. 13-24). Соискатель дает характеристику каждому методу, исходя из своих интересов как исследователя. Появляются первые ссылки на труды ученых – методологов (Н.И. Смоленского и др.), но это сделано не всегда. Например, рассуждая о понятии «иджтихад», соискатель критикует мнения Я. Абдуллина и А. Юзеева, которые, с его слов, трактуют иджтихад неверно, как абсолютно независимое суждение. Но ссылки на труды этих ученых не приводятся. Действительно в исламской теологии принято считать иджтихад суждением богослова, вынесенным им с опорой на Священный текст. Было бы интересно развернуть эту начавшуюся, но не развернутую, полемику с аргументацией обеих сторон (с. 18).

Научная новизна обозначена шестью позициями. Первая касается введением в научный оборот упомянутых трудов, о которых шла речь выше (на татарском и арабском языках). В обозначении второй позиции автор сам себе в определенной степени противоречит: сначала говорит о моменте новизны в деле изучения периодизации исламского права, а затем утверждает, что использовал периодизацию Б. Хашматуллы и только скорректировал её. Остальные позиции, раскрывающие новизну диссертационного текста, четко обозначены и не вызывают сомнений.

Автор диссертации раскрывает **шесть позиций, выносимых на защиту**. В первой он пишет следующее: «Возрождение и развитие богословской мысли татар происходило в русле двух разнонаправленных тенденций: традиционализма и обновленчества. Влияние идей западных и русских мыслителей было менее значимым, хотя и нашло отражение в трудах М.Бигиева, Р. Фахретдина, З. Камали, Кадири и др.» Если «менее значимым», то нужно уточнить по сравнению с чем. Традиционализм и обновленчество присуще не только татарской культуре.

Во второй позиции, выносимой на защиту, говорится о коллективном иджтихаде, который стал основным вектором развития исламского права, в третьей – о проблеме соотношения иджтихада и таклида и т.д. То есть на защиту выносятся теологические идеи.

Рабочая гипотеза не обозначена.

Теоретическая и практическая значимость сочинения раскрыта во введении достаточно полно. Апробация соответствует требованиям ВАК.

Исследование интегрирует четыре главы, разделенные на параграфы. **Первая глава** «Историография проблемы и обзор источников» (с. 33-62) представляет собой некий развернутый в большем объеме повтор того, что соискатель уже описал во вводной части работы с некоторыми дополнениями и сносками. (Сноски не ко всем работам. Например, исследования В.В. Бартольда и А.Е.Крымского остались без сносок.)

Заглавие Главы 1 в тексте диссертации и в автореферате не совпадают. Более объемное название содержит автореферат, в него включена методология.

В Главе 1 в параграфе 1 дается большое количество имен авторов и названий их трудов, раскрывающих, прежде всего, жизненный путь и наследие татарских богословов: Утыз-Имяни, Г. Курсави, Ш. Марджани, Г. Баруди, М. Бигиева, Г. Буби, З. Камали, З. Кадыри, Р. Фахретдина. Соискатель идет по пути указания на содержание сочинений ученых, о чем говорит тот или иной труд, кратко останавливаясь на проблематике исследований. Действительно, за последние годы ученые-исламоведы проделали огромную работу, изучая наследие татарских мыслителей. Однако в историографическом обзоре не хватает тех работ, которые поднимают проблемы обновленчества, а ведь тема диссертации соискателя, прежде всего, нацелена на исследование обновленчества в мусульманской умме.

Полностью отсутствует в историографии многотомная серия работ «Возрождение и обновление» 2021 года, изданных ИД «Медина», в которой даны интересные материалы мыслителей XIX-XX вв. Работу могла украсить переключка идей татарских ученых с идеями других мусульманских мыслителей по узловым вопросам на религиозно-правовые решения в умме.

К сожалению, заключение к параграфу, посвященному историографии проблемы, поднимаемой соискателем, отсутствует. То же можно сказать и о втором параграфе Главы 1 «Характеристика источниковой базы исследования». В нем показаны особенности составляющих эту базу частей. Всего автором были проанализированы 32 сайта, 62 номера газет и журналов, 27 трактатов, 126 циркуляров ОМДС.

Глава 2 названа следующим образом: «Исламская религиозная традиция у татар в контексте развития общемусульманской богословско-правовой мысли» (с. 93-173). В ней также, как и в первой главе, два параграфа. Параграф 2.1. «Возникновение и развитие исламского права» (с. 93-148) и параграф 2.2. «Развитие исламской религиозной традиции у татар

во второй половине XVIII-начале XX в. Однако, несмотря на название главы, основное внимание уделяется не татарской, а общемусульманской богословско-правовой мысли. В страницах текста диссертации соотношение 1:2. 55 страниц посвящено мусульманской мысли, 25 страниц – татаро-мусульманской.

В п. 2.1. основное внимание уделяется периодизации истории исламского права, как объекту внимания мусульманских ученых, далее дается краткий обзор социального уклада жизни обитателей Аравийского полуострова и приводятся характеристики четырех этапов становления исламского права. Прослеживается корректировка периодизации истории исламского права, данной в диссертации современного ученого Б. Хашматуллы: расширение хронологических рамок первого этапа и сужение второго этапа. С хронологией третьего и четвертого этапов соискатель согласился.

Используя методологию теологического исследования, соискатель дает характеристику каждого этапа развития исламского права, обращая внимание на развитие ханафитской традиции.

Интересны обращение к истории правового поля османского мира и выход на идею коллективного иджитхада в современности. В результате сделанного диссертантом сравнительного анализа идей богословов Поволжья и богословов мусульманских стран выкристаллизовывается вывод о влиянии многовековой мазхабической традиции на формирование татарского богословия.

В выводах по второй главе диссертации говорится о двух факторах влияния на татарскую богословскую мысль: религиозном мировоззрении (этому сюжету посвящен весь текст главы) и идеях русских и европейских мыслителей (об этом сказано на одной странице – 170). Причем автор подчеркивает, что им проделан «анализ записей русских и европейских исследователей». Но эта фраза повисает в воздухе, кроме одной цитаты из

труда К.Фукса «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях (Казань, 1991).

Глава 3, состоящая из трех параграфов «Обновленческие идеи в методологии исламского права и их влияние на татарскую богословскую мысль» является логичным продолжением Главы 2, раскрывающей традицию религиозной мысли татарских богословов. Она посвящена обновленческим тенденциям в методологии исламского права и влиянию на татарскую мысль идей обновленчества.

П. 3.1. (с. 173-187) дает представление о развитии идей иджтихада и таклида в ханафитской правовой традиции. Вывод к параграфу звучит вполне современно: «...богословы в многочисленных трудах указывают на то, что если содержание священных текстов ограничено, то прецеденты ситуаций, происходящих в жизни верующих и требующих решения, не ограничены, следовательно, потребность в иджтихаде сохраняется» (с. 187).

Пункт 3.2. (с. 187-209) «Историческая трансформация взглядов татарских богословов на таклид и иджтихад» особо выделяет труд Г. Утыз-имяни «Гавариф аз-заман», в котором «очень развернуто и обстоятельно решается вопрос, на какие три группы и по какому признаку делятся муджтахиды» (с. 187). Критерий деления – знание правил и догм. П. 3.2. интересен своей полемикой с идеями, высказанными в работе А. Юзеева «Татарская философская мысль конца XVII-XIX в. (Казань, 1998). Суть диалога в решении вопроса: насколько может быть непреложен авторитет иджтихада и насколько правомочен таклид. Эти же вопросы ищут ответ применительно к наследию Г. Курсави, Ш. Марджани, Г. Баруди, Г. Буби, М. Бигиева.

П. 3.3. - «Становление идеи коллективного иджтихада среди мусульман Поволжья и Приуралья» (С. 209-228). В своих рассуждениях на эту тему диссертант отталкивается от одного из хадисов, переданных от Саида ибн ал-Мусайиба, в котором говорится о необходимости совместного решения знатоков в том случае, если нет ответа на вопрос в Коране и Сунне. Далее

объясняет, как идея коллективного иджитхада выглядела во времена праведных халифов и выводит эту идею в современность. Рассматриваются сферы применения коллективного иджитхада. О коранитах сказано лишь вскользь.

В этом же параграфе дается краткий реферативный обзор создания Советов улемов в разных регионах России (С. 220-226), что интересно с точки зрения современности. Однако, диссертант не делает прогноз о возможности создания единого Совета улемов на территории России. Но, вместе с тем, и не опровергает эту возможность.

Выводы по Главе 3 носят чисто теологический характер.

Глава 4 именуется «Особенности трансформации татарской богословско-правовой мысли на территории округа Оренбургского магометанского духовного собрания» (С. 228-340).

Параграф 4.1. – «Основные тенденции по обновлению исламских институтов в округе ОмДС и их влияние на общественно-культурную жизнь татар-мусульман». В этом параграфе было бы интересно увидеть исторический анализ документации ОмДС. Но в тексте имеются лишь две сноски на «Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений ОмДС» (С. 242), и то они носят формальный характер. А достаточно обширный фрагмент параграфа (С. 232-248), посвященный ОмДС, является историографическим обзором и дает лишь общее представление о степени изученности ОмДС как религиозного института.

Попутно заметим, что государственные крестьяне не являлись, как пишет диссертант, «низшей группой в российской социальной страте» (С. 229). Как известно, более зависимы были помещичьи крестьяне. Параграфы 4.2., 4.3. и 4.4. написаны в теологическом ключе.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации может определяться достаточной источниковой базой и хорошим знанием богословской литературы. Достоверность определяется, прежде всего, тем подходом,

который существует в теологическом знании: проверенная поименно устная традиция передачи накопленной информации.

Работа, по мнению оппонента, не лишена некоторых недостатков.

1. В исследовании существует явный перекос в сторону теологического знания, хотя работа заявлена как историческая.

2. Следовало обратить внимание на причины формирования норм исламского права, причины обновленчества.

3. Отсутствуют неопубликованные архивные материалы, опора только на опубликованные источники.

4. Следовало четче обозначить авторскую исследовательскую позицию и дать рабочую гипотезу.

Общая оценка диссертации. Автор поставил ряд актуальных вопросов, которые пытались разрешить татарские богословы Поволжья и Приуралья в рассматриваемый им период, а также связал их рассмотрение с проблемами современной теологии.

Диссертационная работа Рамиля Камиловича Адыгамова «Богословско-правовая мысль татар Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX в.: история развития и тенденции обновленчества в мусульманской умме» соответствует критериям, сформулированным в пунктах 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября № 842 (в ред. От 26 сентября 2022 г.), а её автор, Адыгамов Рамиль Камилович, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – «Отечественная история».

Официальный оппонент, доктор исторических наук по специальности 5.6.1 – «Отечественная история», доцент, профессор кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета

им. Н.А. Добролюбова
603022 Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 21, к.2, кв. 43,
8 905 661 47 47 senutkina@mail.ru

Сенюткина О.Н.

17.02.2023

Подпись <u>Сенюткина О.Н.</u>
ЗАВЕРЯЮ
Специалист по кадрам <u>Завгороднев</u>
« <u>17</u> » <u>02</u> 20 <u>23</u> г.